

БЕСТСЕЛЛЕР *USA TODAY*

У ВСЕГО ЕСТЬ ЦЕНА

Муж Аннабель Мэтью погиб в авиакатастрофе. После него у нее не осталось ничего, кроме вороха тайн. Мэтью был сотрудником «Свисс Юнайтед» — мощного офшорного банка. И постепенно Аннабель выясняет, что его смерть была не случайной. Она была кому-то выгодна.

Амбициозная журналистка Марина Турно решает больше не писать о семьях влиятельных богачей, потому что сама скоро станет одной из них, выйдя замуж за Гранта. Она соглашается провести еще одно, последнее журналистское расследование, связанное со «Свисс Юнайтед». Информация, которая к ней попадает, может помочь Аннабель. И уничтожить жизнь Марины.

Превосходно... Роман, от которого взволнованно стучит сердце.

The New York Times Book Review

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6122-8

9 786171 261228

КРИСТИНА АЛГЕР

ЖЕНА БАНКИРА

CRISTINA ALGER

**THE
BANKER'S
WIFE**

A Novel

КРИСТИНА АЛГЕР

ЖЕНА БАНКИРА

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
2019 ДОСУГА

УДК 821.111(73)
А45

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

Публикуется с разрешения G.P. Putnam's Sons, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Переведено по изданию:
Alger C. *The Banker's Wife : A Novel* / Cristina Alger. — New York : G.P. Putnam's Sons, 2018. — 352 p.

Перевод с английского *Игоря Толока*

Дизайнер обложки *Алина Белякова*

ISBN 978-617-12-6122-8
ISBN 978-0-7352-1845-1 (англ.)

© Cristina Alger, 2018
© Depositphotos.com / Voyagerix, обложка, 2019
© Unsplash.com / lerone pie-ters, обложка, 2019
© Hemis Ltd, издание на русском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2019

Посвящается Джонатану

Пролог

В лондонском аэропорту Нортхолт королевских ВВС Великобритании разрешение на взлет получили лишь несколько самолетов. Дул сильный ветер, а дождь со снегом делали видимость практически нулевой. В Нортхолте была всего одна взлетно-посадочная полоса, и сейчас, в шесть часов утра, к ней выстроилась целая очередь из частных реактивных самолетов. Пассажиров, собравшихся в зоне ожидания, было немного, но все они были весьма нетерпеливы. Это были в основном бизнесмены, торопившиеся на утренние деловые встречи в Париж, Люксембург, Берлин. Для некоторых из них чартерные рейсы заказали корпорации, другие же сами были владельцами этих весьма недешевых средств передвижения. А такие люди ждать не любят.

Какой-то русский по фамилии Попов устроил сцену. Он орал то на девушку за стойкой регистрации, то на кого-то, с кем разговаривал по телефону. Ему никак не удавалось добиться ответа, который бы его устраивал, и поэтому Попов переключал свой гнев с одного человека на другого. Его голос становился все громче и громче, пока в конце концов не загремел на весь терминал. Его спутница, грациозная блондинка со скучающим лицом, одетая в лисью шубу и кроссовки, устала в свой смартфон. Похоже, она уже привыкла к проявлениям его гнева, но взгляды остальных были прикованы к Попову: люди отложили свои газеты и развернулись к нему. Ростом Алексей Попов был метр девяносто, весил килограммов сто тридцать, так что его трудно было не заметить. Особенно когда он был в бешенстве.

— Я все понимаю, сэр, — в который раз повторила девушка за стойкой, стараясь сохранить профессиональную выдержку под этим шквалом гневных слов. — Приносим извинения за неудобства. Однако из соображений безопасности мы вынуждены рекомендовать вам...

Попов выругался по-русски и в сердцах швырнул в нее телефоном. Девушка за стойкой испуганно пригнулась; к ним торопливо направились двое сотрудников службы безопасности аэропорта, чтобы выяснить причину такого шума. Блондинка взяла Попова под руку и принялась что-то шептать ему на ухо, пытаясь его успокоить.

Томас Дженсен сидел в углу терминала и с умеренным интересом следил за этой сценой поверх развернутого свежего номера «Файнэншл таймс». Как и многие другие присутствующие здесь пассажиры, Дженсен был в элегантно сшитом костюме и с кожаным дипломатом. Аккуратно подстриженные и причесанные седые волосы, мокасины из дорогой кожи: внешний вид Дженсена в точности соответствовал тому, кем он был на самом деле, — выпускником Оксфорда, специализирующимся на финансах, обладателем внушительного банковского счета. Однако, в отличие от многих других сегодняшних пассажиров, Дженсен не являлся финансистом или промышленным воротилой. Хотя он был в Нортхолте по делу, оно было совсем иного толка. Дженсен работал в одной правительственной организации на должности, о существовании которой знали лишь немногие. Единственным признаком того, что его работа связана с немалым риском, была весьма заметная горбинка в том месте, где была сломана его переносица. Хоть у Дженсена случались травмы и посерьезнее, кривой нос до сих пор продолжал его беспокоить, поэтому в нагрудном кармане пиджака он всегда носил изящный носовой платок с монограммой. Вот и сейчас Дженсен вынул его и промокнул нос, не сводя настороженного взгляда с остальных пассажиров, находившихся в зоне ожидания.

Из-за скандала с Поповым Дженсен оказался единственным, кто заметил, как какой-то мужчина с женщиной быстро пересекли зал терминала и выскользнули через дверь на взлетную

полосу. Дженсен встал, сунул носовой платок обратно в карман и неторопливо подошел к окну. Он внимательно вглядывался в стройную женскую фигурку, в съежившиеся под холодным ветром плечи; голова дамы была повязана черным шарфом, как у Джекки Онасис, защищающим ее волосы от дождя. Мужчина обернулся, и Дженсен обратил внимание на его очки в черепаховой оправе и волосы с проседью. Когда эта парочка поднималась на борт бизнес-джета «Гольфстрим G450», мужчина заботливо обнял женщину за плечи. Сегодня утром это был самый большой и самый дорогой самолет в Нортхолте. Позднее в новостях сообщат, что пилот за его штурвалом тоже был незаурядный. Прежде чем уйти в частную компанию, Омар Хури десять лет служил в ВВС Саудовской Аравии. Это был настоящий профессионал, которого вряд ли могли смутить субоптимальные условия полета. Едва дверь самолета закрылась, как было получено разрешение на взлет. Попов продолжал возмущаться из-за задержки рейса. G450 бодро разогнался по взлетной полосе и исчез в небе.

Телефон Дженсена зазвонил, когда его машина уже выезжала на шоссе А40, направляясь в сторону Лондона.

— Дело сделано, — сказал он. — Утром улетел всего один самолет, и они были на борту.

Сбросив вызов, он развернул свою газету и остаток пути читал в полном молчании.

Менее чем через час связь с бортом G450 была потеряна. Он просто исчез с экранов радаров где-то над Французскими Альпами, как будто его вообще никогда не существовало.

Марина

Марина стояла на балконе своего номера люкс в отеле «Ле Мерис» и смотрела на мерцающие внизу огни Парижа. Вид был очень живописный, особенно вечером. На западе на фоне ночного неба высились оснащенная огнями иллюминации Эйфелева башня и колесо обозрения Рю-де-Пари. На другой стороне улицы, которая называлась Рю-де-Риволи, сиял сад Тюильри. Казалось, что изнутри он был подсвечен. Марина подумала о том,

чтобы разбудить своего жениха Гранта и предложить ему полюбоваться этим зрелищем вместе с ней. Но для этого еще будет время, ведь их путешествие только-только началось. Марина села за столик, зажгла сигарету и затаилась. До чего же приятно, когда на тебя не давит работа, когда не нужно ни за чем пристально следить, когда на тебе не висят многочисленные имейлы, требующие ответа. Можно почитать книгу. Можно заняться маникюром. Можно вообще ничего не делать. Эта ночь принадлежала ей. Она в Париже, и это только начало.

Вдруг зазвонил телефон, и Марина вздрогнула. А когда увидела, кто звонит, почувствовала раздражение.

— Данкан, — резко отозвалась она. — Вообще-то тут уже глубокая ночь.

— Ты спала?

— Нет.

— Ну разумеется. Ты все еще живешь по нью-йоркскому времени, поэтому не должна была спать.

— Но это не означает, что ты можешь звонить мне во время моего отпуска — первого почти за десять лет.

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделала.

Марина поморщилась от досады. Вот почему Грант настаивал, чтобы она бросила работу в журнале «Пресс». За эти без малого десять лет, которые она работала на Данкана, Марина ни разу не брала отпуск. Большую часть выходных ей приходилось вкалывать, а сколько она провела на работе праздничных дней — и не сосчитать. Она все время отвечала на звонки, даже поздно ночью. Свою карьеру Марина начинала ассистенткой Данкана, но и сейчас, девять с половиной лет спустя, он порой обращался с ней по-прежнему, несмотря на ее высокий статус: она теперь входила в руководство журнала. Она уехала в путешествие всего лишь двадцать четыре часа тому назад, а босс уже подбрасывает ей какие-то задания. Невероятно! Она не могла в это поверить, хотя, честно говоря, тут нечему было удивляться.

Марина хотела уволиться с работы. Она обещала Гранту, что сделает это сразу же после свадьбы. Слухи о том, что отец Гранта, Джеймс Эллис, будет баллотироваться в президенты, подтверди-

лись, и в ближайшие недели должна была начаться предвыборная гонка. Он уже сформировал команду из советников по организации избирательных кампаний и журналистов. Ему понадобится помощь Марины. Вспыльчивый миллиардер из Нью-Йорка, он явно не был народным кандидатом. Но когда за работу возьмутся специалисты в области пиара и политтехнологий, Джеймс Эллис волшебным образом превратится в человека, который добился успеха тяжелым трудом, в профессионального бизнесмена — свежую альтернативу предполагаемому кандидату от демократической партии и отпетому вашингтонскому инсайдеру — сенатору Хайдену Мерфи. По крайней мере, таков был план. Мерфи, которого много лет сопровождали слухи о коррупции и кумовстве, был грозным соперником, но у него имелись серьезные изъяны. Эллис хорошо об этом знал и делал на это ставку.

У Марины были сомнения по поводу того, что ее будущий свекор подходит на роль лидера свободного мира, но она держала их при себе. Она уже была свидетелем того, как он выходил из себя, срываясь на простых безобидных людях из-за малейшей оплошности, например, на свою экономку, которая заказала не ту минеральную воду для его дома в Саутгемптоне, или на водителя, который случайно проскочил поворот к аэропорту Тетерборо. Марина также знала, что присутствие сына действует на Джеймса успокаивающе. Грант должен был оставить работу, связанную с банковскими инвестициями, и взять в свои руки управление семейным бизнесом, когда его отец отправится в поездку по стране, чтобы выступать с предвыборными речами. В своей новой ипостаси, как президент «Эллис энтерпрайзес», Грант будет много разъезжать, и предполагалось, что Марина станет его сопровождать. Было кое-что новое, что ей предстояло освоить как супруге генерального директора многонациональной корпорации. Не говоря уже о роли супруги сына президента. Она не могла быть миссис Грант Эллис и при этом продолжать работать в журнале. Это несовместимо. Вопрос о том, что для нее важнее, не стоял — ей следовало уволиться. Это было частью их соглашения, и, начиная с определенного момента, Марина это осознавала.

Она вдруг подумала о том, чтобы уволиться прямо сейчас по телефону. Это было вполне реально: сотрудники «Пресс» постоянно увольнялись именно так. (Главный редактор журнала, Данкан, был очень тяжелым человеком и платил подчиненным сущие гроши — еще меньше тех мизерных окладов, которые считались в их отрасли стандартными.) Но такой вариант показался Марине неприемлемым. После всего того, что Данкан для нее сделал, и всего того, что они с ним сделали вместе, она хотела уйти в отставку красиво, по всем правилам: сообщить ему об этом при личной встрече, разумно выбрав момент не только для себя, но и для журнала.

— Ты неподражаем, — вздохнула Марина. Она затушила окурок и вошла в комнату за карандашом. — Ты ведь должен быть сейчас в творческом отпуске, разве нет?

Данкан ничего не ответил. Эта тема была для него болезненной. А все потому, что он согласился на отпуск не по доброй воле. Скорее это было распоряжением Филиппа Бранкузи, директора компании-учредителя их журнала: он настоял на отпуске в шесть недель, чтобы Данкан основательно «просох» и закрыл вопрос с выпивкой раз и навсегда. Его пристрастие к алкоголю стало проблемой, и в издательстве об этом знали все. За исключением самого Данкана.

— Ты что, записываешь? — спросил он в трубку.

— Конечно записываю.

— Мне нужно, чтобы ты кое с кем встретишься. Этот человек приезжает из Люксембурга. Я не знаю, сколько у него будет времени, так что постарайся под него подстроиться. Он передаст тебе флешку для меня. Будь с ней очень осторожна. И никому об этом не рассказывай.

— А что я скажу Гранту? Что у меня свидание с каким-то таинственным европейцем?

— Кто такой Грант?

— Издеваешься?

— Скажи ему, что хочешь совершить пробежку. Или что тебе необходимо увидеть старого друга. Грант уже большой мальчик, как-нибудь проживет без тебя сорок пять минут.

Голос Данкана звучал раздраженно, и это разозлило Марину. Она слишком сильно надавила на карандаш, и грифель сломался.

— Черт, — пробормотала она и потянулась за ручкой.

— Послушай, я понимаю, что ты расстроена, — сказал Данкан. — И понимаю, моя просьба тебя злит. Но это чрезвычайно важно, Марина. Это очень ценный материал. Мой источник не доверяет электронной почте, даже шифрованным имейлам. Поэтому он и хочет передать информацию из рук в руки. На прошлой неделе я должен был вылететь в Женеву на встречу с ним, но мне кажется, что за мной следят.

Марина закатила глаза.

— Кто?

Данкан проигнорировал эту реплику.

— Я сказал ему, что ты — единственный человек, которому я доверяю.

— Не подлизывайся, Данкан. Насколько я понимаю, мне не следует знать, что находится на флешке?

Наступила пауза, во время которой Марина смогла расслышать какой-то фоновый шум, как будто где-то рядом с Данканом работал снегоочиститель.

Она решила, что ее шеф, видимо, на природе, уехал в свой загородный домик, где проводит все больше и больше времени. Когда он там оказывался, это ее тревожило. Данкан слишком много пил и слишком мало общался с людьми. Когда же он напивался, его уносило в сторону театральных эффектов и паранойи. А когда его уносило в сторону театральных эффектов и паранойи, он обычно звонил Марине.

— Мы поговорим об этом, когда ты вернешься, — наконец сказал Данкан. — Но, Марина... Ладно. В общем так. Думаю, что через столько лет мы все-таки его нашли.

Марина перестала писать.

— Кого *его*?

— Морти Райсса.

— Так он жив?

— И не просто жив.

Марина помолчала, осмысливая сказанное Данканом. После самоубийства Морти Райсса прошло уже восемь лет. Почти день в день. Точнее, прошло восемь лет с тех пор, как на мосту Таппан Зи в Нью-Йорке была обнаружена машина Морти Райсса с предсмертной запиской, приклеенной скотчем к лобовому стеклу. Через несколько дней после предполагаемого самоубийства Морти его хеджевый инвестиционный фонд РСМ был разоблачен как одна из самых крупных финансовых пирамид всех времен, в которой использовалась так называемая схема Понци. Райсс предвидел это и прыгнул с моста, по крайней мере так принято было считать.

Однако его тело так и не нашли. Поначалу Данкана и Марину одолевали те же сомнения, что и многих других: казалось, что Райсс инсценировал свою смерть, а сам тем временем исчез, ускользнув вместе со своим несправедливо нажитым состоянием в какую-нибудь солнечную южную страну, с которой у Штатов нет договора об экстрадиции. Из всех тех, о ком Марине доводилось писать сюжеты за время ее работы в «Пресс», Райсс, вероятно, был самым умным и безжалостным мошенником. А если учесть, что Марина писала об общественных деятелях Нью-Йорка — акулах Уолл-стрит, магнатах, торговавших недвижимостью, дизайнерах-модельерах, крупных журналистах, — это говорило о многом. Если кто-то и мог испариться с такими деньгами, то только Райсс.

Он был талантливым, даже выдающимся жуликом, но все эти схемы Понци рано или поздно обязательно заканчивались; именно это не давало Марине покоя, когда она думала об этом деле. Инсайдерская торговля ценными бумагами, хищение средств — все это мог проверить практически любой мало-мальски смысленный злоумышленник. Просто украсть деньги и скрыться в лучах заходящего солнца. Однако для функционирования схемы Понци требовался нескончаемый приток инвесторов. Без новых вкладчиков любая пирамида очень скоро рассыпалась бы, как карточный домик. Так почему же Райсс решился на такое бесперспективное преступление? Он казался для этого слишком умным. Если, конечно, с самого начала не планировал инсценировать собственную смерть.

Если это действительно так, нужно отдать ему должное: Райсс и вправду был самым хитрым финансовым аферистом всех времен и народов.

Шли годы, однако никаких свидетельств того, что Райсс жив, не обнаруживалось, и постепенно сомнения Марины рассеялись. Да и возможно ли, чтобы такой человек, как Райсс, лицо которого много месяцев подряд не сходило с экранов телевизоров по всему миру, просто взял и исчез? Марина в этом сомневалась. Эта версия казалась ей притянутой за уши и даже фантастической. Прямо какой-то голливудский сценарий, а не газетный материал из реальной жизни. Райсс был умен, но он был живым человеком. Наверное, все-таки жадность и спесь в конце концов взяли над ним верх и прикончили его.

В то время как Марина постепенно охладевала к делу Морти Райсса, интерес к нему со стороны Данкана Сандера превратился в навязчивую идею. После того как они совместно с Мариной написали разоблачение РСМ, Данкан еще несколько раз возвращался к этой теме в своих статьях о Райссе и его соучастнике, Картере Дарлинге. Теории о местонахождении Райсса становились все более нелепыми и необоснованными, и Марина уже начала побаиваться, что эта зацикленность может навсегда подорвать его репутацию серьезного журналиста. Шесть месяцев назад это едва не стоило Данкану карьеры, когда в утреннем телевизионном шоу он вдруг заявил, что Райсс перевел сотни миллионов долларов на свой счет в «Кариббиен интернэшнл бэнк», расположенный на Каймановых островах, а власти США смотрят на это сквозь пальцы, потому что этот банк защищают несколько видных политиков, ведь они и сами держат там свои миллионы на номерных счетах. Выступление это произвело сенсацию, но не тем, *что* сказал Данкан, а тем, *как* это было сказано. Его сбивчивая, невнятная речь, а также испарина на лбу и неряшливый внешний вид не остались незамеченными. Вскоре поползли слухи, что Данкана Сандера спровоцировали на публичный скандал. «Кариббиен интернэшнл бэнк» грозил подать в суд не только на самого Данкана, но и на журнал «Пресс», и на его учредителя — компанию «Мерчант пабליкейшнс». Под нажимом

директора Бранкузи Данкан спешно написал опровержение. А затем во всеуслышание заявил, что уезжает в реабилитационный центр, расположенный на севере Коннектикута, где и провел несколько недель, лечась от алкогольной зависимости и восстанавливая свое пострадавшее эго. Насколько было известно Марине, реабилитационный центр мало чем помог ее шефу. Но тем не менее даровал ему помилование в «Пресс», и через месяц Данкан вернулся к работе.

Сейчас была вторая попытка излечиться от алкоголизма, и Марина знала, что это был его последний шанс реабилитироваться перед Бранкузи. Тот выдвинул Данкану ультиматум: навсегда покончить с пьянством и вернуться к работе или не возвращаться в редакцию вообще. Данкан не мог позволить себе снова допустить оплошность. Еще одна ошибка в суждениях, и Бранкузи оторвет ему голову.

— Данкан, а ты можешь это как-то доказать? Потому что доказательства тебе обязательно понадобятся. Мы не можем допустить, чтобы... — Марина умолкла, так и не закончив фразу.

Данкан очень не любил, когда ему напоминали о том интервью на телевидении или о его проблемах с алкоголем, впрочем, честно говоря, как и о любой другой ошибке, которую он когда-либо допускал. Поэтому они никогда не говорили об этом, разве что с помощью намеков.

— Могу, на этот раз могу. У него более семидесяти миллионов в «Свисс юнайтед».

Марина записала название банка и подчеркнула его.

— «Свисс юнайтед». Значит, все-таки не «Кариббиен интернэшнл», — сказала она, стараясь, чтобы это прозвучало не слишком скептически.

— Нет, в том-то и дело. Его деньги там *были*, насчет этого я был прав. Но потом он их оттуда забрал. Как раз перед моим интервью.

— И у тебя есть доказательства? Выписка со счета или что-то еще в этом роде?

— Доказательства есть у моего информатора, Марина. Это материал, на котором мы можем сделать себе имя.

Марина вздрогнула от неожиданности, почувствовав прикосновение к плечу. У нее за спиной стоял сонный Грант.

— Хай, — шепотом сказал он. — Прости, не хотел тебя напугать.

— Мне пора идти, — сказала Марина Данкану. — Поговорим позже.

— Что, Грант явился?

— Да.

— О'кей. Я позвоню тебе завтра. К этому времени я уже буду знать, когда он прилетает.

— Хорошо. Спокойной ночи, Данкан.

— Прости, — сказал Грант, целуя Марину в макушку. — Я услышал твой голос и решил, что ты заказываешь что-то в номер. Я ужасно проголодался.

Марина усмехнулась.

— Нет, я ничего не заказывала, но могу это сделать. Чего бы ты хотел?

— Давай-ка посмотрим, что у них тут есть. — Грант протянул руку и взял меню. — А с кем ты разговаривала?

— С Данканом.

— И зачем он звонил?

— Он работает над одной статьей и хочет, чтобы я ему помогла.

Грант оторвался от меню и поднял на нее глаза.

— Надеюсь, ты ему отказала.

— Разумеется.

— Слушай, он ведь вроде бы должен быть на реабилитации?

— В творческом отпуске.

— Не важно. Он не имеет права звонить тебе среди ночи, особенно когда ты в отпуске.

— Думаю, он просто слишком увлекся материалом.

Грант покачал головой:

— Данкан переходит все границы, Марина.

Она вздохнула.

— Знаю. Но ты должен меня понять: благодаря ему я стала журналисткой. Когда я только начинала свою карьеру в «Пресс», я совершенно искренне хотела работать в журнале мод просто

потому, что это круто — так мне тогда казалось. Я думала, что буду посещать шикарные вечеринки, примерять платья от-кутюр и встречаться с интересными людьми. Но Данкан увидел во мне нечто большее. И ожидал от меня большего. Когда мы с ним работали над делом Дарлинггов, он относился ко мне как к своей коллеге, а не как к двадцатидвухлетней ассистентке. Он действительно поверил в меня и позволил развернуться. А когда все закончилось, прислушивался ко мне как к соавтору. Так что да, порой Данкан меня бесит, и даже довольно часто. Но, несмотря на это, я все-таки обязана ему своей карьерой.

Грант взял Марину за руку. Их пальцы сплелись, и жених с невестой улыбнулись друг другу.

— Прости, — сказал он. — Я просто пытаюсь тебя защитить.

— А я считаю, что ты у меня очень милый.

Грант шутливо поднял бровь.

— И сексуальный?

— Очень сексуальный.

— Будет ли это сексуально, если я прямо сейчас закажу себе двойной чизбургер с беконом и картошку фри?

— Это будет невероятно сексуально.

— Готовить его будут минут тридцать, не меньше. Может, присоединишься ко мне в постели, пока я буду дожидаться своего полночного перекуса?

— Тогда и мне закажи картошку, ладно? Знаешь, я единственный ребенок в семье и не люблю с кем-то делиться.

— Я, кстати, тоже. Но пообещай мне кое-что.

— Что пожелаешь. — Марина обвила шею Гранта руками и улыбнулась, глядя на него снизу вверх.

— Пообещай мне, что во время поездки я не буду ни с кем тебя делить. Всего несколько дней. Я хочу, чтобы мы с тобой отрешились от всего и просто наслаждались друг другом.

Марина кивнула.

— Хм-м-м, — неопределенно пробормотала она и потянулась к его губам. Она почувствовала ладони Гранта на ягодицах и в следующую секунду оказалась в воздухе, обвив его ногами за талию. — Обещаю, — промурлыкала она, пока он нес ее в постель.

Аннабель

Мэтью Уэрнер опаздывал. Его жена Аннабель сидела в одиночестве на веранде их женевской квартиры, одетая в черное платье для коктейлей и длинную соболиную шубу, которую Мэтью купил ей, когда они только переехали в Швейцарию. Парикмахеру с улицы Кур-де-Рив все-таки удалось завить ее рыжевато-каштановые волосы, хоть это и было непросто. Туфли-лодочки на пятидюймовых шпильках, которые продавщица из бутика уговорила Аннабель купить вопреки ее желанию и доводам рассудка, невыносимо сжимали косточки у основания больших пальцев. В зеркале примерочной ноги Аннабель благодаря этим туфлям казались невероятно длинными и стройными. К задникам были прикреплены черные ленты, обвивавшие щиколотки и нижнюю часть икр, отчего она была похожа на балерину в пуантах. В Нью-Йорке Аннабель могла бы полюбоваться такими туфлями в витрине, но в магазин даже не зашла бы. И уж точно не купила бы их. В Нью-Йорке Аннабель носила обувь с закругленными носками и на плоском ходу или же на танкетке — обувь, в которой можно было целый день провести на ногах. Потому что в Нью-Йорке Аннабель работала. Там она ездила на сабвее, а не в лимузине с шофером. И не покупала себе туфли, стоимость которых была равна ее недельному заработку. Здесь же, в Женеве, Аннабель подписала чек еще до того, как взглянула на ценник.

Дома она обнаружила, что ходит в этих туфлях с трудом. При резком освещении гардеробной комнаты ленты на лодыжках выглядели как-то театрально. Аннабель не могла бы с уверенностью сказать, на кого похожа больше: на жену банкира или на куртизанку. Остальные жены сотрудников банка ходили в тот же бутик, где она купила эти туфли. Эти женщины выглядели одинаково, одевались одинаково, да еще и вместе играли в теннис. Иногда Аннабель казалось, что, приехав в Женеву, она забыла ознакомиться с инструкцией под названием «Как быть супругой банкира». Жены коллег ее мужа были с ней вежливы, но держались на расстоянии. После первого наплыва приглашений на ланч наступило глубокое затишье. Разумеется, на официальных приемах все

были с ней достаточно любезны, но, казалось, понимали, что она не такая, как они. Впрочем, она и сама это понимала. Аннабель решила, что это даже хорошо. Большинство этих дам предпочитали болтать о парижских показах мод, о своих загородных домах, о поездках на Сардинию в прошлый уик-энд. При этом они наряжались по любому поводу, даже на какой-нибудь обычный поздний завтрак на выходных. Конечно, иногда было бы неплохо поучаствовать во всем этом. Однако по большей части Аннабель нравилось в одиночестве бродить по какому-нибудь музею, сидеть в кафе с книгой и рано ложиться спать. Ее абсолютно не привлекали благотворительные балы и званые обеды, на которые нужно являться в вечерних туалетах. А теннис она всегда ненавидела.

Новые туфли были настолько дорогими, что она не могла позволить себе не надеть их вообще. В них нужно было где-нибудь появиться хотя бы раз. Аннабель надеялась, что выглядят они такими же дорогими, какими и были на самом деле. Мэтью обожал видеть на ней роскошные вещи. Говорил, что для него это стимул много и упорно работать. Он любил бывать с ней на публике.

Но сейчас Аннабель распустила завязки на туфлях и освободила ноги из плена, после чего, все так же сидя, подтянула ступни к стройным бедрам, чтобы согреться. Ей ужасно хотелось закурить, но она сдержалась. Мэтью рассердится. Он ошибочно считал, что после переезда Аннабель ни разу не прикасалась к сигаретам. Она прятала сигаретную пачку в гостиной, за книгами по искусству. Мэтью никогда в них не заглядывал, так что разоблачение ей не грозило. Искусство ее мужа никогда не интересовало, если только оно не было связано с инвестициями клиента, но и в этом случае это была для него всего лишь работа, не более того. Аннабель позволяла себе одну сигарету за раз, впрочем, иногда две, но только тогда, когда Мэтью не ночевал дома. В последнее время такое случалось довольно часто.

С веранды Аннабель слышала негромкое позвякивание проезжающих внизу трамваев и ритмичный стук колес туристических конных экипажей по булыжной мостовой — *тук-тук-тук*. Обычно эти звуки действовали на нее успокаивающе. Но не сегодня. Она слишком нервничала. Взглянув на небо серовато-

стального цвета, Аннабель подумала о том, когда же пойдет снег, который обещали уже несколько дней. Ей очень хотелось, чтобы Мэтью был рядом с ней. Без него их квартира казалась ей номером в отеле, а не полноценным домом. Да, это был шикарный, но все-таки отель. И обстановка соответствующая: темно-серые диваны, шелковые подушки из иката¹ и столы со стеклянными столешницами, идущими в комплекте. Шик, конечно, но корпоративный. С другой стороны, это и было корпоративное жилье — оно принадлежало банку «Свисс юнайтед» и сдавалось им в аренду по цене ниже рыночной. Еще одна из многочисленных привилегий Мэтью. За последние два года Аннабель привнесла в обстановку несколько штрихов. В гостиной на стене висела ее картина в импрессионистском стиле — городской пейзаж с видом Флоренции, которую она подарила Мэтью на память об их медовом месяце. Полки были заполнены ее книгами. Хоть Мэтью и говорил, что в этом нет необходимости, Аннабель привезла с собой из Нью-Йорка постельное белье: хрустящие белоснежные простыни со светло-серой окантовкой, подушки с вышитой монограммой в виде буквы «У» и такие же полотенца. Все это были попытки сделать обстановку более домашней. Поначалу Аннабель повсюду расставила фотографии: на боковых столиках, на каминной доске, на книжных полках. Вот она с Мэтью целуется на заднем сиденье старинного такси с шашечками на бортах, которое они наняли, чтобы скрыться со свадебной церемонии, проходившей в районе Трайбека на Манхэттене. Вот они вдвоем готовят лобстеров в шаткой хижине на берегу океана, которую они сняли в Монтоке летом накануне приезда сюда. Вот Аннабель в окружении друзей на открытии своей первой галереи... Большинство этих снимков она убрала. Раньше Аннабель думала, что благодаря им будет меньше скучать по дому, но эффект получился противоположным: глядя на эти фотографии, она чувствовала себя ужасно одинокой. Поэтому однажды ночью, когда Мэтью в очередной раз задержался в своем офисе, она, выпив целую

¹ Икат — сложная техника ткачества, выполняемая исключительно вручную. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

бутылку вина, завернула все эти фото в мягкую пузырчатую упаковку и сунула на самую верхнюю полку в своей гардеробной.

Аннабель попробовала заменить эти снимки фотографиями нынешней жизни в Женеве, но их оказалось совсем немного. Мэтью так много разъезжал в будние дни, что на выходных с удовольствием оставался дома, чтобы выспаться, отдохнуть, сходить в тренажерный зал. Время от времени он отправлялся на встречу с клиентами за границу: в Мадрид, Берлин или на юг Франции — и тогда Аннабель его сопровождала. Это были деловые поездки, во время которых она мало видела мужа. На ее тридцатилетие они отправились в Венецию, но там Мэтью большую часть времени провисел на телефоне, общаясь с каким-то импульсивным клиентом, бившимся в истерику из-за своего бракоразводного процесса, который был в самом разгаре. Поэтому Аннабель бродила по городу одна, и все, что она там сфотографировала, — это кафе-мороженое, *gelateria*, которое ей посоветовал посетить ее приятель Джулиан, да стая голубей на площади Святого Марка. Несколько раз Аннабель с мужем ездили кататься на лыжах, обычно в Церматт, где у «Свисс юнайтед» было несколько шале для руководителей банка, но там всегда было много коллег Мэтью. Большинство из них были опытными горнолыжниками, которые, как и Мэтью, рвались покорять какие-то сверхсложные трассы, прокатиться по целине и спуститься с вершины, куда их доставлял вертолет. Не желая быть для мужа обузой, Аннабель безропотно отпускала его, а сама заказывала пару уроков с инструктором на склоне для начинающих или же просто приятно проводила время, удобно устроившись с книжкой у камина. Так что тут фотографировать тоже было особо нечего.

Отправляясь в Женеву, они планировали пробыть здесь два года. Два года, чтобы подзаработать денег, а потом вернуться в Нью-Йорк, купить себе хорошую квартиру и снова попробовать обзавестись детьми. Когда они уезжали из Америки, Аннабель было двадцать восемь, Мэтью — тридцать три. У них еще было время. Он говорил, что это будет увлекательным приключением. Как затянувшийся отпуск. Венеция, Прага, Париж, Брюгге — множество романтических мест, и все это на расстоянии короткого

перелета или непродолжительной поездки на поезде. Можно будет взглянуть на лучшие образцы мировой живописи. Аннабель сможет подучить языки. Французский она когда-то знала хорошо, но его следовало реанимировать. На немецком, очень важном языке для галеристов, она говорила вполне терпимо, но его нужно было совершенствовать. Мэтью научит ее кататься на горных лыжах. Они смогут пойти на кулинарные курсы или взять уроки у сомелье. Будут лакомиться фондю. Поскольку речь идет всего о двух годах, Аннабель незачем устраиваться на работу. На поиски может уйти несколько месяцев, а это будет довольно сложно для человека, который не работал на какую-нибудь крупную корпорацию. Как бы там ни было, Мэтью будет упорно трудиться за них обоих. Он предпочел бы, чтобы Аннабель не работала, потому что хотел, чтобы она была дома, когда у него появится свободное время. Нет, это не значит, что он просит ее навсегда отказаться от карьеры. Только на пару лет. Все это временно...

Конечно, не все было так плохо. Кое-что было очень даже мило. Великолепная квартира. Прекрасные швейцарские пейзажи. Иногда Мэтью приходил домой счастливым, и тогда Аннабель вспоминала, почему так быстро в него влюбилась. Он увозил ее обедать в какое-нибудь особенное место. Был очень внимателен и нежен. Умел ее рассмешить. Они вдвоем любовались закатом на Женевском озере, разговаривали о выставке, которую Аннабель хотела посетить, о книге, которую она сейчас читает. Вспоминали друзей из Нью-Йорка. Зажигали свечи на веранде, пили хорошее вино и играли в скрабл. В один из таких вечеров, когда Мэтью не просто присутствовал, а действительно был *здесь*, рядом с ней, Аннабель даже подумала, что, наверное, могла бы полюбить Женеву. И тогда ее тоска по дому утихнет, а на ее место придет ощущение спокойствия и благоговения перед красотой и богатой историей этого места.

И еще, конечно, деньги. Аннабель и в Нью-Йорке ни в чем не нуждалась: Мэтью зарабатывал больше, чем могла мечтать девушка, выросшая в небольшом рабочем городке на севере штата. Но здесь их банковские счета разбухали от денег с невероятной скоростью, с каждым месяцем их становилось все боль-

ше. Мэтью очень гордился своими заработками, а Аннабель, в свою очередь, гордилась им. И еще она заметила, что ей, оказывается, нравится быть богатой. Внезапно ей стали доступны вещи, о которых она прежде даже не мечтала. Эти туфли, например. Или неприлично роскошный ланч в среду. Или возможность сделать прическу в любой момент и там, где ей захочется. Аннабель ощущала легкость, которой никогда прежде не испытывала. Она больше не вглядывалась в ценники и не сжималась при получении счетов по своей кредитке. Средств у нее было более чем достаточно.

С появлением денег стало больше подарков. Тут Мэтью всегда был на высоте. Это была одна из его черт, которая особенно нравилась Аннабель. Причем дело было не в экстравагантности. Мэтью делал подарки вдумчиво. Он ничего не забывал. Как правило, он писал жене по утрам записки и оставлял их в самых неожиданных местах, где, как он знал, она обязательно их найдет. И она действительно их находила: в своей сумочке, возле кофеварки, на зеркале внутри пудреницы или приклеенными к кувшинчику для сливок, стоящему в холодильнике. Однажды Аннабель обнаружила в собственном бумажнике два билета в Метрополитан Опера. Представление должно было состояться на следующий вечер, а Мэтью в это время не было в городе. «Возьми с собой Маркуса», — гласила прилагавшаяся к билетам записка. Речь шла о друге Аннабель, который работал с ней в галерее и обожал оперу больше всего на свете.

— Держись за него, он того стоит, — покачав головой, сказал Маркус, когда Аннабель показала ему билеты и записку.

В последнее время подарки стали более дорогими. Сумочка, которую она как-то разглядывала, остановившись у витрины. Пара сережек, которые она заметила на жене его коллеги. А на прошлой неделе — картина, которой Аннабель восхищалась в галерее «Арт Базель». Это было небольшое полотно работы Маршалла Клива — малоизвестного художника из штата Мэн. Аннабель рассматривала его добрых минут десять в медитативном молчании. На полотне была изображена последовательность из перекручивающихся синих линий в стиле Брайса Мардена —

одного из любимых мастеров Аннабель. Брайс Марден у моря. Нечто подобное она пыталась рисовать и сама в своей маленькой художественной студии в Монтоке, но без особого успеха.

— Ты запомнил, — только и сказала Аннабель, когда Мэтью вручил ей холст.

У нее перехватило дыхание.

— Эта вещь должна быть твоей, — ответил Мэтью. — Она ведь так тебе нравится. Я сразу это понял, как только ты впервые на нее взглянула.

— Но я сама не знаю почему. Об авторе мне известно очень мало. Меня просто потянуло к ней...

— Значит, это любовь, не так ли? Непонятная, загадочная связь. Ток. Когда чувствуешь это всем своим существом. Я испытал это, когда впервые тебя увидел. И до сих пор испытываю, когда смотрю на тебя.

Аннабель притянула Мэтью к себе.

— Да, это любовь.

— А помнишь, как я каждое утро нарочно проходил мимо твоей галереи, просто чтобы еще раз увидеть тебя через оконное стекло?

Аннабель рассмеялась.

— Маркус подумал, что ты заглядываешься на него.

— У меня ушло несколько недель на то, чтобы набраться решимости зайти и заговорить с тобой. Сначала я подготовился. Узнал о художниках, работы которых ты выставяешь. Я был молодцом, правда?

— Ты опрокинул стопку каталогов на стойке у входа, а потом пролил свой кофе на администратора. Но да, ты был молодцом.

— А я-то надеялся, что ты уже забыла эти подробности нашей первой встречи.

— Они понравились мне больше всего. Было интересно наблюдать за красивым молодым человеком, который так волнуется.

— Твой вид вызывал у меня робость. Вся в черном, с короткой стрижкой, да еще и эта татуировка на запястье, прямо под браслетами, которые ты тогда носила. Господи, ты была горячей штучкой!

— Была? То есть сейчас уже нет? Берегитесь, мистер!

— Сейчас — тем более. И с каждым днем становишься все горячее...

— Ты скучаешь по моей короткой стрижке?

Мэтью оценивающе оглядел жену, слегка склонив голову набок.

— Иногда, — ответил он, едва заметно улыбнувшись. — Но такой ты мне тоже нравишься. Длинные волосы тебе очень идут.

Он поцеловал Аннабель и отстранился — быстрее, чем ей бы того хотелось.

— Я хочу, чтобы эта картина была твоей, — продолжил Мэтью серьезным тоном. — Понимаю, тебе пришлось от многого отказаться, чтобы быть здесь со мной. Я знаю, что ты любишь находиться в окружении прекрасных произведений искусства и скучаешь по ним. Одной из причин, по которым я согласился на эту работу, была возможность покупать для тебя эти красивые вещи. Чтобы ты могла владеть тем, что тебе понравится. Чтобы у тебя была собственная галерея.

Аннабель промолчала. Что-то в этом заявлении неприятно ее поразило. Ей нравилось работать в галерее. Обладать предметами искусства, конечно, тоже здорово, но это не могло заменить ей работу.

— Ты очень внимателен, но в нашем доме эта картина мне не нужна. Нет, правда. Надеюсь, она стоила не слишком дорого.

— Не слишком, — подтвердил Мэтью, и Аннабель заподозрила, что он ей солгал. — Честно говоря, наиболее дорогой оказалась рама. Я хочу, чтобы ты кое-что запомнила. Если со мной что-нибудь случится...

— Не говори так.

— Просто хоч, чтобы ты знала: рама, в ней вся ценность, о'кей?

— Она просто потрясающая, — сказала Аннабель, и так оно и было. Массивное дерево, покрытое сусальным серебром. Грубоватая и современная одновременно, рама выгодно подчеркивала синевато-серые тона картины. — Давай повесим это полотно над нашей кроватью, — предложила Аннабель, и ее лицо

смягчилось. — Тогда каждый раз, укладываясь на ночь в постель, мы с тобой будем видеть сны о любви.

Появление этой картины ознаменовало начало их второго года в Женеве. Аннабель умышленно оставила эту годовщину без комментариев. Последующие несколько недель она много думала о том, не является ли этот холст подкупом, своеобразной взяткой за то, что они здесь остаются. Мэтью начал поговаривать о том, что ему нужно больше времени. На что именно, Аннабель не совсем понимала. Денег у них было много, но все же недостаточно, чтобы совсем отойти от дел и купить домик на побережье в Монтоке, о котором они столько говорили в свое время: с верандой по периметру и большим сараем на заднем дворе, который они превратят в художественную мастерскую. Однако денег все равно было больше, чем они когда-либо могли мечтать. Так для чего же Мэтью здесь оставаться? И сколько нужно денег, чтобы было достаточно?

Аннабель пыталась уговорить себя: им совсем не помешает еще немного пожить в Женеве; это не имеет большого значения; ее дом там, где Мэтью. Но правда заключалась в том, что это было важно. Это все-таки имело значение, и так было всегда. Женеве никогда не сможет стать ее домом. Аннабель скучала, становилась апатичной, вялой. Она тосковала по работе. И хотела иметь детей. Хотела вернуть себе прежнюю жизнь. Она не могла вечно существовать в подвешенном состоянии реальности, откладываемой на потом. От этого можно было сойти с ума.

Чтобы как-то скоротать время до возвращения Мэтью, Аннабель делала вид, что при свете дня, клонившегося к вечеру, читает книгу, но ее взгляд скользил по строчкам, и она то и дело поглядывала на телефон. Это был остросюжетный роман о семейной жизни, о жене, которая исчезла по дороге с работы домой. Странная книжка под названием «Девушка» незнакомого автора — Аннабель казалось, что она читала это уже миллион раз, но все время забывала имена действующих лиц. Почему же Мэтью ей не позвонил? На него это совсем не похоже. Если он задержится еще больше, ей придется отправиться на званый ужин к Клаузерам одной. Аннабель всегда чувствовала себя у них уютно в присутствии прислуги,

облаченной в униформу, и чопорных гостей, большинство из которых были старше ее лет на десять, а то и больше. Мэтью прекрасно это знал. Когда речь заходила об этом, он всегда был внимателен к ней. Он не стал бы просить, чтобы она пошла туда одна.

— Если бы Йонас не был моим боссом... — говорил он с виноватой улыбкой. И никогда не заканчивал фразу.

Но Йонас Клаузер был не просто боссом Мэтью. Он возглавлял «Свисс юнайтед» — крупнейший банк Швейцарии. Он был крестным отцом Мэтью и главной причиной, по которой они сейчас находились в Женеве, если уж на то пошло. И пока Аннабель и Мэтью Уэрнер были здесь, они обязаны были поддерживать хорошие отношения с Клаузерами.

— Это просто бизнес, — говорил Мэтью. Но у него становилось бизнесом абсолютно все.

Зазвонили церковные колокола, и Аннабель отложила книгу в сторону. Жена отсутствовала уже десять дней, но Аннабель не интересовало, что с ней произошло, она даже не заложила закладку. На открытых верандах в соседних квартирах было пусто: большинство людей считали, что было слишком холодно сидеть там, как это делала Аннабель, даже под нагревательными лампами. А ей холод нравился: он помогал Аннабель чувствовать себя живой и бодрой. От налетевшего резкого порыва ветра у нее застезились глаза. С потемневшего неба посыпал снег. Прием вот-вот должен был начаться. Если и *вправду* произошло какое-то недоразумение, она *на самом деле* должна встретиться с Мэтью уже у Клаузеров; опоздав, она поставит его в неловкое положение. Аннабель терпеть не могла огорчать своего мужа. В Штатах он находил ее опоздания очаровательными, это было составляющей богемного шарма крутой галеристки — в противоположность светским львицам из Верхнего Ист-Сайда, с которыми Мэтью встречался прежде. Аннабель называла их «Тщеславные Блондинки» — по ассоциации с худыми, как скелеты, женщинами из фильма «Костер тщеславия». Мэтью, который вырос в Верхнем Ист-Сайде, похоже, знал их всех. Всех этих Линдси, Битси и Кикси. Девиц с весьма странными фамилиями для таких имен: Леннокс, Меррилл и Кеннеди. Девушек, которых с детских

лет учили писать благодарственные записки на тисненой почтовой бумаге и повсюду являться с опозданием; правда, опаздывали они совсем не так небрежно, как это зачастую делала Аннабель. Здесь же, в Женеве, ее опоздания раздражали Мэтью, особенно если это происходило в присутствии его банковских коллег. Потому что здесь у нее вроде бы не было причин опаздывать. Она ведь не работает. И детей у нее нет, как и друзей, за исключением Джулиана. Она не могла себе это позволить. Так что вперед — опять на высокие шпильки.

Клаузеры жили в Колоньи — районе на северо-восточной окраине города, с извилистыми дорогами и открытыми пространствами. Была у них квартира и в центре, чтобы Йонас мог ночевать там, если задержится на работе допоздна (а на самом деле, как подозревала Аннабель, чтобы поразвлечься со своей любовницей, второразрядной французской актрисой, с которой он познакомился в Каннах и с которой открыто появлялся на людях, пока его жена каталась верхом или посещала парижские показы мод, чтобы сделать покупки), но там они никогда никого не принимали. Да и зачем, собственно, если в их шале — на самом деле это было шато — было поле для игры в гольф на девять лунок, теннисный корт, бассейн и гараж на десять автомобилей из личной коллекции Йонаса? Что же касается их собрания картин, то они были не во вкусе Аннабель: вульгарное, легко узнаваемое барахло, подборка, которую арт-консультанты всучили своему клиенту, не обладающему собственным вкусом, но и не ограничивающему их расходы, однако при этом обескураживающе, сногшибательно дорогая. Аннабель даже подумала, что эта коллекция стоила дороже, чем картины в лучших частных галереях Нью-Йорка. Почти в каждой комнате дома Клаузеров было по крайней мере по одной значительной картине: Дэмиен Херст, Джаспер Джонс. Прямо в центре гостиной стояла скульптура Ботеро — отвратительно тучная голая женщина на кушетке.

— С таким же успехом они могли бы все стены своего дома оклеить денежными купюрами вместо обоев, — сказала Аннабель Мэтью, когда они побывали у Клаузеров впервые. — Нужно быть богаче Всевышнего, чтобы иметь такую коллекцию.

Но еще более грандиозное впечатление, чем коллекция предметов искусства, произвел на Аннабель ничем не заслоненный вид на Альпы, на пик Монблана, открывавшийся из окон. Она была в этом доме уже с десяток раз, но неизменно погружалась в благоговейное молчание, глядя на эти заснеженные горные вершины. Выглядело это, как открытка или иллюстрация к какой-нибудь сказке. Просто не верилось, что такой пейзаж может быть реальным. Небо было настолько пронзительно-синим, снег — настолько ослепительно белым, а контур гор — настолько четким, что казалось, будто это отретушированный цифровой снимок. Впрочем, в доме Клаузеров такое ощущение вызывало буквально все. Взять для примера хотя бы Эльзу Клаузер. Она утверждала, что является дальней родственницей королевской семьи, дочерью австрийского дворянина невысокого ранга — виконта, наверное, или еще кого-то, чей титул звучал не менее нелепо. Аннабель подозревала, что это вымысел, часть несуществующей родословной, которую Эльза тщательно подделала, стремясь заполучить в мужа Йонаса Клаузера. Заявленные породистые корни никак не вязались с ее, пожалуй, слишком большим бюстом, копной очень светлых волос и невнятным акцентом, по которому невозможно было определить, откуда она родом. Вещи у Эльзы были дорогими: от Лоро Пьяна, Шанель или Брунелло Кучинелли, — но кожаные брюки на ней всегда были слишком узкими, юбки — слишком короткими, а декольте — слишком соблазнительно глубокими как для женщины, претендующей на благородное происхождение. К тому же она постоянно носила меха, даже летом.

— Прямо как персонаж из «Игры престолов», — пошутил как-то Мэтью, выпив слишком много вина.

Как бы там ни было, все это не имело значения. Потому что Клаузеры могли похвастаться принадлежностью к королевскому клану иного рода: в мире скрытых банковских счетов и тайных финансовых потоков Йонас Клаузер был настоящим монархом.

В отличие от своей жены он держался как самый настоящий аристократ. С кем бы Йонас ни общался, он помнил имена детей своего собеседника, его родителей, супруги и любовницы, даже если пересекался с ним всего только раз, много лет назад, на

какой-то вечеринке с коктейлями, где этот человек был далеко не самой важной персоной. Клаузер умел непринужденно поддерживать беседу об искусстве, о винах, о парасейлинге¹ или филателии — да о чем угодно — и мог делать это на пяти языках. Муж Аннабель говорил о нем, что это настоящий банкир-джентльмен. Когда разговор заходил о Йонасе, в голосе Мэтью звучало глубокое почтение. В первую неделю после приезда в Женеву Клаузеры устроили в честь Мэтью и Аннабель прием в галерее Скопия, известной тем, что там представлена швейцарская живопись. Взяв Аннабель под руку, Йонас познакомил ее с местными кураторами, галеристами и художниками. Он сказал, что хочет, чтобы она чувствовала себя здесь свободно. Мэтью был для него членом семьи, а теперь то же самое можно сказать и о ней. И если он может сделать что-нибудь, чтобы она чувствовала себя в Женеве как дома, ей стоит на это лишь намекнуть...

Аннабель позвонила Арманду, их шоферу. Торопливо написав на салфетке короткую записку, она оставила ее на столике в фойе, где Мэтью обязательно ее заметит. Он хранил все их записки в отдельной коробке у себя в шкафу. Причем даже самые банальные, написанные на салфетках, кассовых чеках или корешках старых билетов в кинотеатр, которые его жена находила на дне своей сумочки. Аннабель обнаружила этот факт вскоре после свадьбы и по сей день полагала, что это ужасно романтично. Зная, что все будет сохранено, она теперь гораздо внимательнее относилась к своему почерку. Иногда Аннабель сопровождала текст каким-то маленьким рисунком, зная, что это вызовет улыбку у Мэтью. За последние несколько лет она открыла в себе настоящий талант к подобным шалостям.

Но сегодня рисунка не будет. Она подписалась: X^2 , А. Конечно, это менее эмоционально, чем *Люблю тебя, А.*, как она подписывалась время от времени, но зато нежнее, чем просто А.

¹ Парасейлинг — полет на парашюте, прикрепленном к какому-нибудь тягловому средству.

² X — знак поцелуя в конце письма.

«Хорошо бы Мэтью иметь достойное оправдание, — подумала Аннабель. — И хорошо бы, чтобы он был не с Зои».

Едва открыв входную дверь, она испуганно охнула. В вестибюле перед ее квартирой стояло двое мужчин с мрачными лицами. В руке у одного из них был дипломат. Незнакомцы были в костюмах и пальто. Их волосы были влажными от снега; у обоих щеки покраснелись от холода.

— Аннабель Вернер? — спросил тот, что с дипломатом.

Он произнес ее фамилию на немецкий манер — *Вернер*. Из-под очков с прозрачной оправой на нее щурились темные колючие глаза.

— Да, а что?

— Простите, что напугали вас.

Он полез в боковой карман и, вытянув оттуда значок, показал его. Второй мужчина сделал то же самое.

— Меня зовут Конрад Блох, я из федеральной службы полиции. А это мой коллега, Филип Фогель. Можно мы войдем? Нам необходимо обсудить с вами один личный вопрос.

Не успела Аннабель что-либо ему сказать, как у нее зазвонил телефон.

— Мне нужно ответить, — произнесла она. — Прошу меня извинить. Подождете минутку?

Блох понимающе кивнул, но с места не сдвинулся. И пока Аннабель рылась у себя в сумочке в поисках телефона, она все время чувствовала на себе его пристальный взгляд.

Но звонил не Мэтью.

— Алло? Да, Арманд. Я как раз спускаюсь. Подождите секундочку. — Аннабель прикрыла ладонью микрофон телефона. — Это наш водитель. Я собиралась уходить. Может быть, вы зайдете в другое время?

— Миссис Вернер, дело, по которому нам с вами нужно поговорить, весьма срочное. Поэтому предлагаю вам отпустить машину.

В квартире Аннабель жестом пригласила мужчин присаживаться. У нее мелькнула мысль предложить им воды или кофе, но она не стала этого делать: ей хотелось, чтобы они ушли как можно

Літературно-художнє видання

АЛГЕР Крістіна
Дружина банкіра

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. В. Приходченко*
Редактор *О. В. Пунько*
Художній редактор *А. В. Белякова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 24.09.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literatyna». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000.
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24, Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

АЛГЕР Кристина
Жена банкира

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Приходченко*
Редактор *Е. В. Пунько*
Художественный редактор *А. В. Белякова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 24.09.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literatyna». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 4000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000.
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24, Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

- за телефонами довідкової служби (050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life); (067) 332-93-93 (Київстар); (057) 783-88-88

- на сайті Клубу: www.bookclub.ua
- у мережі фірмових магазинів див. адреси на сайті Клубу або за QR-кодом

Надсилається безкоштовний каталог

Запрошуємо до співпраці авторів

e-mail: publish@ksd.ua

**Запрошуємо до співпраці художників,
перекладачів, редакторів**

e-mail: editor@ksd.ua

**Для гуртових
клієнтів**

Харків

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Київ

тел./факс +38(067)575-27-55

e-mail: kyiv@ksd.ua

Чоловік Аннабель Метью загинув у авіакатастрофі. Після нього в неї не залишилося нічого, крім купи таємниць. Метью був співробітником «Свісс Юнайтед» — потужного офшорного банку. І поступово Аннабель з'ясовує, що його смерть була не випадковою. Вона була комусь вигідна.

Амбітна журналістка Марина Турно вирішує більше не писати про сім'ї впливових багатіїв, тому що сама скоро стане однією з них, вийшовши заміж за Гранта. Вона погоджується провести ще одне, останнє журналістське розслідування, пов'язане зі «Свісс Юнайтед». Інформація, яка до неї потрапляє, може допомогти Аннабель. І знищити життя Марини.

Алгер К.

A45 Жена банкира : роман / Кристина Алгер ; пер. с англ. И. Толока. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 320 с.

ISBN 978-617-12-6122-8

ISBN 978-0-7352-1845-1 (англ.)

Муж Аннабель Метью погіб в авіакатастрофе. После него у нее не осталось ничего, кроме вороха тайн. Метью был сотрудником «Свисс Юнайтед» — мощного офшорного банка. И постепенно Аннабель выясняет, что его смерть была не случайной. Она была кому-то выгодна.

Амбициозная журналистка Марина Турно решает больше не писать о семьях влиятельных богачей, потому что сама скоро станет одной из них, выйдя замуж за Гранта. Она соглашается провести еще одно, последнее журналистское расследование, связанное со «Свисс Юнайтед». Информация, которая к ней попадает, может помочь Аннабель. И уничтожить жизнь Марини.

УДК 821.111(73)